

УДК 94(540)

ДЕМИЧЕВ Кирилл Андреевич — кандидат исторических наук, доцент; заведующий кафедрой гражданского права и процесса Нижегородского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (603950, Россия, г. Нижний Новгород, пр-кт Гагарина, 46, kadem@mail.ru)

У ИСТОКОВ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: КОНЦЕПЦИЯ ВЛАСТИ ПРАВИТЕЛЯ В СИКХИЗМЕ В XVII–XVIII вв.

Аннотация. В статье анализируется становление и эволюция концепции власти правителя в сикхизме в XVII–XVIII вв. Автор выделяет характерные черты власти сикхских гуру, бывших, начиная с 5-го гуру Арджуна Дэва, одновременно и духовными лидерами, и носителями элементов мирской власти, и делает вывод о трансформации концепции власти правителя в начале XVIII в. после смерти последнего, 10-го гуру. На основе анализа кодекса поведения сикха «Прем Сумараг» автор выявляет особенности идеальной модели власти правителя как носителя абсолютной власти и одновременно «слуги» сикхской общины.

Ключевые слова: сикхизм, гуру, махараджа, «Прем Сумараг», концепция власти

Зарождение сикхизма как религиозного направления происходило в территориальных границах могущественной империи Великих Моголов. Иноконфессиональное окружение, враждебное отношение мусульманских властей, со временем переросшее в открытое противостояние и, в конце концов, в полномасштабные военные действия, которые с перерывами продолжались более 150 лет, — все эти факторы обусловили складывание сикхской государственности, ставшей главным фактором сохранения этой религиозной общины. Идеологическое обоснование государственности и концепт власти правителя складывались не одномоментно и прошли сложный путь своего становления и развития.

Основатель сикхского вероучения гуру Нанак Дэв (1469–1539) являлся духовным учителем для своих последователей, и его деятельность была направлена на то, чтобы объединить индусов и мусульман посредством любви и терпения в их почитании Единого Бога [Malcolm 1812: 146]. Гуру объявлял человеческую жизнь священной, поскольку ее источником является сам Всевышний, по этой причине он осуждал убийства и войны, считая их, вместе с нетерпимостью и жестокостью, самыми отвратительными грехами [McGregor 1846: 46]. При таком подходе у Нанак Дэва не было и не могло быть каких-либо претензий на власть и, прежде всего, на власть светскую. В целом, такой подход был характерен для всех преемников Нанак вплоть до 5-го гуру Арджуна Дэва (1581–1606).

Гуру Арджун сыграл выдающуюся роль в жизни сикхской общины, дав ей священное писание Ади Грантх, воплотившее живое слово гуру (*gurbānī*). Другой несомненной заслугой этого гуру было то, что именно при нем сикхи окончательно обрели собственные уникальные черты как представители самобытной конфессиональной общины. В одном из своих стихов Арджун провозглашает своеобразный манифест новой идентичности: «Я порвал и с индусами, и с мусульманами, я не буду совершать обряды как индус и не пойду в Мекку как мусульманин, я буду служить Ему, и никому другому. Я не буду молиться идолам и не стану читать мусульманские молитвы. Я сложу свое сердце к стопам Одного Бога, потому что мы не индусты и не мусульмане» [Успенская, Котин 2007: 63]. Однако гуру начинает восприниматься своими последователями не только как

духовный лидер, но и как светский правитель. Такое изменение нашло отражение в титулатуре Арджуна, который первым из сикхских гуру стал называться *сачча падишах* (*saccā pādīśāh*), т.е. «истинный падишах», или «истинный государь» [Sikhs History... 2001: 66]. И хотя, по всей видимости, гуру не сам присвоил себе этот титул, а именно последователи стали называть его таким образом, сам факт появления подобной титулатуры свидетельствует о глубоком изменении в сознании сикхов и их восприятии своего лидера. Такой поворот был обусловлен и материальными условиями жизни общины.

При гуру Арджуне начинает складываться своеобразная придворная культура, отражающая высокий статус главы общины. Ставка гуру все чаще именуется дарбаром (*dārbār*), что в переводе с персидского означало «аудиенция», «царский двор». Власть начинает приобретать статусные атрибуты. Гуру использует слонов, а также лошадей, закупленных в Туркестане, одевается в дорогие одежды и в целом становится мало отличимым от любого другого правителя Индостана того времени. Первым среди сикхских духовных лидеров Арджуна начинает охранять многочисленную вооруженная стража, набираемая из числа его последователей [Gordon 1904: 29]. Появление таких стражников в рамках религиозного течения, которое ранее носило подчеркнуто мирный характер, стало первым серьезным свидетельством милитаризации сикхской общины [Демичев 2014: 160].

Показательно, что раскрытие идеи воинского служения содержало и обозначение его цели, которая связывалась с фигурой гуру. Сикхская традиция сохранила пример того, как гуру наставляет в доблести воина, обратившегося к нему за духовной поддержкой. Арджун указывает ему: «Тот, кто обладает храбростью, должен быть бесстрашным на поле боя. Тот, кто решил победить или умереть с оружием и кто, умирая, хранит Истинное Имя в своем сердце, тот отбросит грехи многих рождений и получит освобождение. Ни один из не помнящих Бога не получит места на небесах героев. Тот, кто бесстрашно бросит вызов противнику и падет под грохот оружия, ощутит экстаз, которого жаждут йоги, и достигнет вечного блаженства. Многие наслаждения ожидают его, поскольку пребудет он в царстве храбрых. Величайшая заслуга воина состоит в том, чтобы не показывать врагу свою спину. Герой обретет для себя блаженство и в этой, и в другой жизни посредством мощи своего оружия. Если он победит, то добьется свободы на этой земле, если же он погибнет, то получит свою долю небесного счастья. Борьба за него, вот соль, которую вы едите. Отдайте жизнь за своего правителя, и ваша слава будет велика в обоих мирах» [Macauliffe 1909a: 68-69].

Это поучение, которое во многом пересекается с положениями Бхагавадгиты, свидетельствует не только о существенном изменении в подходе 5-го гуру к проблеме допустимости вооруженной борьбы и воинского служения, но и к проблеме власти. Цель, ради которой воин может проявлять свою доблесть, — это защита своего правителя и даже гибель за него. Данное положение трудно недооценить, учитывая, что сам Арджун стал первым среди сикхских гуру, который соединил в своих руках не только духовную власть, но и элементы светской. Очевидно, мысли о том, что кто-то может и должен отдать свою жизнь за духовного учителя и торжество сикхского вероучения, кажутся гуру совершенно естественными. Вера в Единого Бога и правителя — это то, что надлежит охранять и за что следует, не задумываясь, отдать свою жизнь в случае необходимости.

Своей мученической кончиной гуру Арджун подтвердил верность концепции защиты сикхской веры. Вызванный на суд императора Джахангира, он отверг все обвинения и отказался изменить текст священного писания сикхов Ади Грантх, после чего был подвергнут мучительной казни.

Шестым сикхским гуру стал сын Арджуна Харгобинд (1606–1644), которого отец готовил в качестве своего преемника с самого детства. Принимая статус

и достоинство гуру, 24 июня 1606 г. Харгобинд отказался от простого тюрбана, увенчав свою голову тюрбаном с особым плюмажем — *калхи* — из перьев черной цапли, являвшимся одним из символов власти правителя [Masauliffe 1909b: 2]. Кроме того, во время церемонии Харгобинд был опоясан двумя саблями, которые символизировали духовную власть — пири (*pīrī*) и светскую, военную власть — мири (*mīrī*), являясь одновременно проявлением любви — бхакти (*bhakti*) и силы — шакти (*śakti*) [Cunningham 1849: 59]. Таким образом, 6-й сикхский гуру окончательно закрепил за собой как высшую духовную, так и высшую светскую власть над сикхской общиной.

Решение об опоясывании двумя саблями не было для гуру спонтанным, а для представителей сикхской общины — чем-то неожиданным. Харгобинд совершил акт институционализации той властной практики, которая сложилась еще при его отце. Кроме того, он реализовывал широко известное пророчество, которое сделал безусловный духовный авторитет общины Бхай Буддха еще до его рождения. Согласно преданию, получив в дар пищу, собственноручно приготовленную матерью будущего гуру, он сказал ей: «Он [Харгобинд] будет очень храбр и красив, будет обладать духовной и светской властью, станет великим охотником и будет ездить на королевских конях, станет носить два меча и будет непобедим в бою, топча моголов... он будет одновременно и великим воином, и прославленным гуру» [Masauliffe 1909a: 32].

Укрепление сикхской общины и формирование в ней элементов светской государственности вызывало закономерную озабоченность со стороны Могольской империи. В итоге, начиная с правления императора Шаха-Джахана, взошедшего на престол в 1628 г., империя развязывает против сикхов ожесточенную войну, которая с небольшими перерывами продолжается более полутора веков.

Концепция «сачча падишах» (истинного государя) отличается двойственностью, которая сохранялась до времен 10-го гуру Гобинда Сингха включительно. Гуру воспринимается не только как духовный учитель, но и как светский владыка, имеющий все необходимые атрибуты власти и армию, способную защитить не только своего гуру, но всю сикхскую общину. Доносчики могольского императора Джахангира сообщали своему правителю: «Его [Харгобинда] слава в два или даже в четыре раза больше, чем у всех предыдущих гуру. Его предшественники сидели на скамьях, а он восседает на троне. Он носит оружие, именует себя истинным государем, принимает дары как император, содержит армию из тысяч храбрых юношей и никого не признает» [Masauliffe 1909b: 10]. Таким образом, в рамках Могольской империи в Лахорской провинции (субе) возник альтернативный центр власти, не подчиняющийся центру и легитимный в глазах сикхского населения.

Духовный авторитет гуру был безоговорочным, как и его светские полномочия, а воинские успехи в борьбе с Великими Моголами подтверждали неоспоримую для сикхов истину, что гуру находится под защитой Бессмертного Бога — Акал Пуруха.

Ожесточенная война, которую сикхи вели с Могольской империей, привела к тому, что при 10-м гуру Гобинде Сингхе (1675–1708) религиозная община сикхов, имеющая войско, была преобразована в хальсу (*khālsā*) — воинское братство, сплоченное вокруг знамени гуру [Демичев 2015: 153–155]. Гобинд Сингх формулирует принцип: «радж карега хальса» — *Raj Karega Khalsa* («хальса должна править»), который имел огромное идеологическое значение для развития сикхской общины. В дальнейшем эта идейная основа была использована в т.ч. и для обоснования связи членов хальсы с той землей, на которой они проживали, а также их права на осуществление властных полномочий. Гобинд ставил перед своими последователями цель разрушить империю Великих Моголов и осно-

вать на ее руинах сикхское государство [The Adi Granth... 1877: XC]. Причем в замыслах гуру границы этого государства были обозначены достаточно четко. Десятый гуру прямо заявлял: «Мы уничтожим гнет турок [Великих Моголов], и я отдам всю страну от Лахора до Пешавара в царство моим сикхам» [Mascauliffe 1909с: 13-14]. Другими словами, гуру Гобинд впервые прямо заявил о том, что все Пятиречье должно быть сикхским.

После смерти 10-го гуру в 1708 г., согласно установлению Гобинда Сингха, духовная власть была воплощена в священном писании Ади Грантх, в то время как светская, в т.ч. военная, перешла к хальсе. Военным лидером общины стал Банда Сингх Бахадур, который всячески укреплял господство хальсы в Пятиречье.

При этом необходимо подчеркнуть, что Банда Бахадур фактически не был сикхским правителем. В период его восстания против империи Великих Моголов (1710–1716) сикхская государственность фактически находилась в состоянии глубочайшего кризиса, а сикхи были вынуждены вести партизанскую войну, потеряв контроль над большей частью своих земель.

Учение о власти правителя этого времени также несет на себе печать кризиса, правда, кризиса не как явления негативного характера, а как этапа перехода к новой модели восприятия власти и ее носителя. Сущностной основой такого перехода стало то, что правитель теперь не мыслился в качестве носителя высшей духовной власти, которая, как уже отмечалось, была сосредоточена в «вечном гуру» – Ади Грантх. В новых условиях правитель теперь представляет собой сугубо светского владыку, которому сикхская община делегирует властные полномочия. Такой подход нашел свое выражение в своеобразном кодексе поведения сикха и одновременно в правилах устройства сикхской общины «Прем Сумараг» («Путь любви»), который был создан в первой трети XVIII в.

«Прем Сумараг» содержал в себе достаточно подробное описание модели поведения правителя в вопросе осуществления власти. Проблемам политического управления в трактате отведена целая глава. Чаще всего правитель именуется в «Прем Сумараг» как раджа, хотя используются и такие понятия, как махараджа и даже падишах [Prem Sumarag 2006: 82-84, 87, 93-95].

Первый и самый главный совет, который дается лицам, осуществляющим управление государством, – это обеспечение непоколебимости своей власти. Средства обеспечения при этом самые широкие. В трактате прямо говорится: «Тот, кто оказывает сопротивление, должен быть повешен, а его имущество конфисковано, что обеспечит конец неповиновения. Наказание всех правонарушителей должно быть независимо от того, чьим сыном, отцом, женой, матерью является [преступник], независимо от того будет ли он [преступник] визирем или кем-либо еще» [Prem Sumarag 2006: 82].

Правитель должен поставить себя таким образом, чтобы каждый человек независимо от своего ранга и положения проявлял по отношению к нему должное уважение и являлся ко двору по первому зову независимо от местонахождения [Prem Sumarag 2006: 82-83]. В делах управления он должен опираться на первого министра – визиря, которого следует выбирать за его мудрость, а не на основе родственных связей. Подчеркивается, что назначение визиря – это важный шаг, способствующий снятию излишней управленческой нагрузки с самого махараджи. Очевидно, что, хотя правитель и должен держать все сферы власти под своим полным контролем, реально вникать во все текущие дела он не имеет ни времени, ни возможности. Именно поэтому такое внимание уделяется как назначению визиря, так и обеспечению эффективности аппарата управления.

Все чиновники должны тщательно контролироваться. При этом если будет выявлено, что кто-либо ведет себя позорно и бесчестно, т.е. более заботится о своих, а не о государственных интересах, то его следует предупредить, внима-

тельно наблюдая за его реакцией. В случае если чиновник исправился, по отношению к нему можно проявить милость и простить, если же он продолжает поступать по-старому, то его нужно выгнать. В этом случае жалость совершенно недопустима, поскольку «если раджа не будет действовать жестко, его государство распадется» [Prem Sumarag 2006: 83]. В случае прямого неповиновения или невыполнения приказа ответственные должны быть отстранены от службы, уволены и подвергнуты телесному наказанию, что должно обеспечить искоренение «непокорных слуг» [Prem Sumarag 2006: 96].

Замыкая на себя все управление, махараджа, согласно «Прем Сумараг», должен лично сформировать центральный аппарат управления. Это касалось назначения как высших чиновников, так и многочисленных секретарей, чей круг полномочий не был формально определен. Наиболее важное место в аппарате управления занимали уже упоминавшийся первый министр – визирь; командующий армией, в чьем ведении находились не только пехота и артиллерия, но также и оружейные литейные заводы с интендантской службой; руководитель общественных работ; главный судья [Prem Sumarag 2006: 88, 90].

В «Прем Сумараг» особо отмечалось, что для организации эффективной системы управления на местах мудрый правитель должен завести целую сеть секретных агентов, которые бы обеспечивали предоставление информации по каждому населенному пункту, вплоть до отдельной деревни. Причем подчеркивалось, что необходимо следить за тем, чтобы соглядатаи махараджи друг друга не знали [Prem Sumarag 2006: 91-92]. Данное положение должно было способствовать формированию объективной оценки происходящего на основе данных, полученных из разных источников.

Главной обязанностью правителя является обеспечение счастья народа [Prem Sumarag 2006: 93]. Получив информацию о своих подданных, махараджа должен сделать так, чтобы никто из них не ложился спать нагим или голодным [Prem Sumarag 2006: 94].

Священным долгом правителя, по «Прем Сумараг», является справедливость, которая связывается с осуществлением правосудия. Махарадже следует быть беспристрастным, он не должен жалеть ни близкого родственника, ни визиря, ни любого другого чиновника, если тот совершил преступление. Провозглашается, что «воздаяние должно соответствовать преступлению, и никто не должен быть над законом» [Prem Sumarag 2006: 83].

Интересным образом разрешается в «Прем Сумараг» и вопрос применимости принципа справедливости по отношению к самому правителю. Очевидно, что сам махараджа является источником правосудия и едва ли может распространять его на самого себя так же, как и на своих подданных. В этом отношении он стоит над судом, поскольку сам его и осуществляет. Однако это вовсе не означает, что действие принципа справедливости на него не распространяется. Правитель добровольно ограничивает свою власть, подчиняясь принципу справедливости, что находит свое выражение в том, что он отказывается попираť права других или позволять кому-либо делать это. Также он воздерживается от нанесения вреда тем, кто находится под его властью, и не дает возможности другим нанести такой вред [Prem Sumarag 2006: 84].

В вопросе удержания власти правителем немаловажное место уделяется проблеме братьев махараджи и его детей. Наследник должен получать повышенное содержание и командовать крупным военным отрядом, что должно способствовать тому, чтобы он постепенно овладевал искусством командования. Братья правителя и его младшие сыновья – принцы также должны получать содержание и иметь в подчинении воинские отряды. Однако махараджа должен остерегаться тех братьев и сыновей, которые плетут интриги и хотят занять его место. В этом

случае нужно сделать все, чтобы не допустить реализации их замыслов. Тех же, кто не может быть вразумлен, «Прем Сумараг» рекомендует заключить в тюрьму, но при этом не убивать [Prem Sumarag 2006: 99-100].

Ценные советы даются правителю и в вопросе подавления бунтов. Даже если бунт был неудачным, к нему нельзя относиться легкомысленно. Огонь недовольства надо погасить, иначе спустя время он вспыхнет с новой силой, поэтому преступников надо сразу же усмирять. Указывается, что в этом вопросе правителю нельзя быть небрежным, поскольку такая нерадивость имеет как мирское, так и духовное значение [Prem Sumarag 2006: 101].

В целом, анализ концепции власти сикхского правителя, получившей отражение в «Прем Сумараг», позволяет говорить о достаточно сложном и разработанном характере властной модели. Власть сикхского правителя институционализируется как власть абсолютного характера. При этом она принадлежит светскому владыке, не обладающему высшими духовными полномочиями. Правитель замыкает на себя все сферы управления, делегируя при этом часть полномочий представителям бюрократического аппарата, который на высшем уровне формируется им лично. Передача полномочий не означала умаления власти правителя, т.к. за ним оставалось право принятия окончательных решений, а также контрольная функция, осуществлявшаяся за счет разветвленного аппарата секретных агентов и доносчиков на местах. Несмотря на абсолютный характер власти, правитель в духе сикхской традиции является и своего рода «слугой» сикхской общины, поскольку его главной задачей является обеспечение счастья народа. Таким образом, в XVIII в. в рамках сикхской общины было разработано учение об идеальной форме власти правителя, которая во многих аспектах была реализована уже в XIX в., после образования единого сикхского государства.

Список литературы

- Демичев К.А. 2014. Особенности милитаризации сикхской общины при первых девяти гуру в XVI–XVII вв. — *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 1. С. 157-170.
- Демичев К.А. 2015. Реформаторская деятельность десятого гуру Гобинда Сингха в контексте завершения милитаризации сикхской общины. — *Проблемы истории, филологии, культуры*. № 4. С. 148-155.
- Успенская Е.Н., Котин И.Ю. 2007. *Сикхизм*. СПб: Азбука-классика; Петербургское востоковедение. 381 с.
- Cunningham J.D. 1849. *A History of the Sikhs. From the Origin of the Nation to the Battles of the Sutlej*. London: J. Murray. 427 p.
- Gordon J.J. 1904. *The Sikhs*. Edinburgh, London: W. Blackwood. 236 p.
- Macauliffe M.A. 1909a. *The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors*. In VI vols. Oxford: Clarendon Press. Vol. III.
- Macauliffe M.A. 1909b. *The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors*. In VI vols. Oxford: Clarendon Press. Vol. IV.
- Macauliffe M.A. 1909c. *The Sikhs Religion. Its Gurus, Sacred Writing and Authors*. In VI vols. Oxford: Clarendon Press. Vol. V.
- Malcolm J. 1812. *Sketch of the Sikhs: A Singular Nation, who Inhabit the Provinces of the Penjab, Situated between the Rivers Jumna and Indus*. London: J. Murrey. 200 p.
- McGregor W.L. 1846. *The History of the Sikhs; Containing Lives of the Gooroos; The History of the independent Sirdars, or Missuls, the Live of the Great Founder of the Sikh Monarchy, Maharajah Runjeet Singh*. In II vols. London: J. Madden. Vol. I. 291 p.
- Prem Sumarag: The Treatise of a Sanatan Sikh* (ed. by W.H. McLeod). 2006. New Delhi: Oxford University Press. 129 p.

Sikhs History from Persian Sources (ed. and transl. by I. Habib, J.S. Greval). 2001. Delhi: India History Congress and Tulika. XII. 228 p.

The Adi Granth, the Holy Scriptures of the Sikhs (transl. from the original Gurmukhi, intr. essays by E. Trumpp). 1877. London: W.H. Allen. CXXXVIII. 715 p.

DEMICHEV Kirill *Andreevich*, *Cand.Sci. (Hist.)*, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law and Process, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (46 Gagarina Ave, Nizhny Novgorod, Russia, 603950; kadem@mail.ru)

THE ORIGINS OF STATEHOOD: THE CONCEPT OF POWER OF THE RULER IN SIKHISM IN THE 17TH – 18TH CENTURIES

Abstract. *The article analyzes the formation and evolution of the concept of the ruler's power in Sikhism in the 17th–18th centuries. The characteristic features of the power of the Sikh gurus are distinguished, beginning with the fifth guru Arjun, who was at the same time both spiritual leader and bearer of elements of secular power. Conclusions about transformation of the concept of the power of the ruler at the beginning of the 18th century after the death of the last 10th guru are drawn. On the base of the analysis of the code of behavior of the Sikh Prem Sumarag features of ideal model of the power of the ruler come to light. The power belongs to the secular ruler who does not have the highest spiritual power. The ruler closes on himself all spheres of management, and delegates a part of power to representatives of bureaucratic apparatus. Despite the absolute nature of the power, the ruler acts as servant of a Sikh community, as ensuring happiness of the people is his main task. Thus, in the 18th century a Sikh community developed the doctrine about an ideal form of the power of the ruler, which was realized in the 19th century after formation of the united Sikh state.*

Keywords: *Sikhism, guru, maharaja, Prem Sumarag, concept of power*
